

— Ты же тоже хочешь, чтобы отец спокойно поправлялся, — только это и ответил Ци Шоулинь.

Отец Чи Яня, Чи Синтао, занимался строительством и большую часть времени проводил в разъездах. Когда Чи Янь ещё не мог сам себя обеспечивать, именно отец содержал всю семью. Глядя на седые волосы отца, Чи Янь не смог признаться в своём «проступке». Чи Синтао был человеком мягким и никогда не повышал голоса на детей. К тому же Чи Янь с детства был очень ответственным, и хотя он не знал причин произошедшего, он предполагал, что, возможно, это просто недоразумение.

Когда они добрались до палаты для высокопоставленных пациентов, медсестра провела их к двери и сообщила, что пациент уже проснулся, чувствует себя нормально, но его нельзя волновать. Чи Синтао первым зашёл внутрь, а спустя примерно десять минут вышел и позвал детей войти. Чи Янь колебался:

— Я не пойду... Боюсь, что отец снова разозлится и расстроится.

Чи Синтао посмотрел на него, видимо, уже зная суть дела, и просто сказал:

— Хорошо.

Когда Ци Шоулинь подошёл, он увидел, как Чи Янь, встав на цыпочки, украдкой заглядывает в палату через маленькое окошко в двери. Чи Мэнцзя и Чи Илян прижались к Тань Чэ, а Чи Синтао стоял рядом с улыбкой на лице.

Картина казалась такой гармоничной.

Только Чи Яня в ней не было.

— Почему не заходишь? — внезапно раздался голос Ци Шоулиня, заставив Чи Яня вздрогнуть.

— Президент Ци, вы... вы сами приехали? — Чи Янь глупо улыбнулся.

— Мм... Просто заглянул, — Ци Шоулинь пристально смотрел на него.

Заглянул к тебе.

Он не сказал этого вслух.

— Чи Мэнцзя и Чи Илян ещё маленькие, они не сталкивались с такими вещами... Наверное, они очень скучают по отцу. Я уже взрослый, давно вышел из возраста, когда можно капризничать. И я боюсь, что отец... всё ещё зол, — Чи Янь вдруг вспомнил о чём-то и достал

телефон, чтобы посмотреть время:

— Ой! Уже время обеда, мне нужно срочно сходить в столовую и принести еду отцу, сейчас там, наверное, очередь, и если я опоздаю, отец останется без обеда.

— Президент Ци... спасибо за вашу заботу и помощь. Вы можете идти, в такой праздник, как Новый год, проводить время в больнице — не лучшая идея, — Чи Янь, уже бежал, обернулся и крикнул ему.

Отлично, не нужно было специально его отвлекать.

Ци Шоулинь подошёл к медсестринскому посту:

— Пожалуйста, мне нужны два изоляционных пластыря для феромонов, для посещения пациента.

...

Когда Чи Янь вернулся, он увидел, что Чи Мэнцзя и Чи Илян стоят снаружи, и спросил, почему они вышли. Чи Мэнцзя была достаточно сообразительной и не сказала, что Ци Шоулинь заходил в палату поговорить с отцом и попросил их выйти. Она просто сказала, что, увидев, как брат долго не возвращается, они вышли посмотреть. Чи Янь поспешно передал им контейнер с едой и попросил зайти внутрь. Ци Шоулинь тоже вышел из палаты и направился к выходу.

Чи Янь посмотрел на него, удивляясь, как он вообще оказался внутри. Затем снова прильнул к окошку, стараясь не привлекать внимания, и заглянул внутрь. Его брови приподнялись, рот приоткрылся — он явно очень хотел войти.

Ци Шоулинь стоял в конце коридора, ожидая, когда Чи Янь сам подойдёт.

Казалось, Чи Янь шёл к нему, полный грусти и обиды.

Ци Шоулинь вынул руки из карманов пальто и слегка развёл их, как бы предлагая объятия.

Давай, если хочешь плакать, если хочешь обнять — вот твой шанс.

Без ограничений.

Но Чи Янь остановился на расстоянии одного шага от него. Глядя на «странную» позу Ци Шоулиня, он вдруг понял что-то и начал шарить в своих карманах. В конце концов он достал карту и сунул её в руку Ци Шоулиня.

— Я не знаю, как вас благодарить, президент Ци... — Чи Янь потер руки, — Это... деньги, которые вы дали. Я... я ими не пользовался!

— На самом деле, состояние моего отца связано с вами... нет, с нашими... нынешними отношениями, — он торопливо объяснил, — Не волнуйтесь, я не виню вас. И не... ну, знаете... хотя в начале вы ко мне... но потом вы всегда относились ко мне хорошо.

— Эх, я просто такой человек, и во мне нет ничего, что стоило бы вашего внимания... — он говорил очень тихо, словно боясь, что кто-то узнает об их неприглядных отношениях.

— Вам не нужно жалеть меня, правда! Я знаю, что вы хороший человек... на самом деле мне не на что жаловаться. У меня есть руки и ноги, есть работа, и если я буду стараться, то наша семья постепенно наладится.

Он поднял голову:

— Я думаю, нам стоит прекратить эти отношения, вам... незачем тратить на меня время и силы.

— Вы успешны, красивы... — сначала он говорил более или менее уверенно, но к концу голос его задрожал.

— Вы хороши... — искренне сказал Чи Янь, — Вы будете счастливы.

Лишь на мгновение он услышал, что Ци Шоулинь сказал его отцу и папе.

Голос Ци Шоулиня был особенным, но его нельзя было назвать божественным.

Но в тот момент его слегка хриплый, с придыханием голос показался Чи Яню звуком ангельской трубы, словно он был отшлифован, выдержан и закалён лишь для того, чтобы произнести эти слова:

— ...Тогда позвольте мне любить его, позвольте мне стать его семьёй...

Ци Шоулинь смотрел на банковскую карту в руке. На этот раз он не стал злиться из-за глупого поступка Чи Яня.

Напротив, он чувствовал... что-то вроде...

Оказывается, в сердце Чи Яня он не был тем, на кого можно по-настоящему положиться.

Скорее, Чи Янь никому не открывал свою душу.

Он был как камень, обычный, который можно встретить на обочине.

Он не был человеком с сильным характером, но, кажется, никакие удары и давление не могли его сломить.

Разве он не жаждал любви? Конечно, жаждал. Но даже это маленькое желание было подавлено «ответственностью», «старшим сыном» и тому подобным.

Все его уступки, терпение и жертвы стали чем-то само собой разумеющимся.

И Чи Янь никогда не считал себя достойным жалости. Он не понимал,

почему Чжоу Юаньли... а теперь и Ци Шоулинь...

Казалось, они все его жалели.

Но... ему это было не нужно...

— Приходи ко мне сегодня вечером, — Ци Шоулинь бросил эту фразу и ушёл.

Чи Янь остался стоять на месте, лишь спустя время сжал край своей одежды.

Да, зачем ему идти, если не для удовлетворения его желаний? Хотя он не знал, почему Ци Шоулинь так одержим его телом, но, к счастью, это было только тело...

Он ещё мог это дать.

Чи Янь помылся в своей маленькой съёмной квартире, кожа покраснела от трения. Он даже, преодолевая стыд, сам подготовил себя.

Всё равно это в последний раз.

Снова в комнате Ци Шоулиня.

Чи Янь сам снял одежду, оставив только трусы. Простые белые, классического кроя. Хотя они были самыми обычными, но почему-то на нём они выглядели эротично.

Ци Шоулинь полулёжал, наблюдая, как Чи Янь медленно забирается на кровать и садится на него верхом. Неуклюже, через хлопковые трусы, он начал тереться о его член. Эффект смазки, которую Чи Янь использовал при подготовке, всё ещё сохранялся, и трусы уже немного промокли, вызывая странное чувство в заднем проходе.

Но Ци Шоулинь не возбудился. Тот огромный орган, который пугал Чи Яня, по-прежнему оставался в спящем состоянии.

Чи Янь подумал, приподнялся и отодвинулся назад, чтобы заняться оральным сексом.

— Я не буду, — холодно сказал Ци Шоулинь.

— А?.. О... — Чи Янь крепко сжал губы, моргнув.

Видимо, он даже этого не заслужил.

Но ничего, просто всё вернулось на круги своя, и больше никто не будет интересоваться его телом.

Раз ничего не будет, то и оставаться незачем. Чи Янь уже поставил одну ногу на пол, чтобы уйти.

Но Ци Шоулинь резко потянул его к себе.

— Ци... — тихо произнёс Чи Янь, но не особо удивился. Он подумал, что Ци Шоулинь передумал и хочет заняться сексом. Он всегда был таким, непредсказуемым. И это хорошо, так и должен быть Ци Шоулинь.

Ци Шоулинь выключил свет, обнял его и пару раз погладил по выступающим лопаткам, а затем перестал двигаться.

...

Чи Янь всё ещё нервно ждал его следующих действий. Но в ушах был только ровный звук дыхания Ци Шоулиня.

Он беспокойно пошевелился и тихо спросил:

— Правда... не будем?

— Ты хочешь? — голос Ци Шоулиня раздался над его головой, с лёгкой ноткой в голосе.

Чи Янь покраснел от этих слов. Не знал, от стыда или чего-то ещё.

<http://bllate.org/book/15527/1380465>